

ДОН НИГРО

ЭЛЕКТРА

Дон Нигро

Электра

«Автор»

2011

Нигро Д.

Электра / Д. Нигро — «Автор», 2011

Дон Нигро «Электра/Electra». Завершающая часть Греческой трилогии, включающей «Ифигению» и «Клитеместру» (вся трилогия входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж»). 5 актеров (3 женские и 2 мужские роли). Теперь, как и положено, кара должна постигнуть мать, убившую отца: ее ждет смерть от руки сына. Но Америка все-таки не Древняя Греция: и Эриний нет, и нужно ставить точку в трилогии. Поэтому кара мать, конечно, настигает, но развязка авторская, пусть и в полном соответствии с духом греческой трагедии.

© Нигро Д., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Действующие лица:	5
Сцена:	6
Картины:	7
Картина 1. Кладбище	8
Картина 2. Крыльцо	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дон Нигро Электра

Действующие лица:

ЛЕКСИ РАЙАН – 28 лет

ТОМАС РАЙАН – 27 лет

КАРОЛИН РАЙАН – 47 лет, мать ДЖЕННЫ, ЛЕКСИ и ТОМАСА

ДЖЕННА РАЙАН ДЕМЕТРИОС – 29 лет

НИК ДЕМЕТРИОС – муж ДЖЕННЫ

Сцена:

Армитейдж, маленький городок в округе Пендрагон, в восточной части штата Огайо. 1920 год. Все места, где происходит действие, существуют одновременно в рамках единой декорации: скамья и часть кладбища – у авансцены справа, у авансцены слева – два стула, которые стоят в психиатрической больнице Массильона. На ступень выше авансцены крыльцо дома Райанов, справа, с диваном-качелями. По центру слева стол и стулья – столовая дома Райанов. На две ступени выше – кабинет Майкла, со стулом, письменным столом, книгами, слева у задника. Еще на ступень выше, справа у задника, ванная комната с ванной. Хотя ни одна картина там не играет, важно, чтобы она была видна. Тремя ступенями выше, в заднике по центру, лестничная площадка, по пути на невидимый чердак. Слева и справа от площадки окна, выводящие на крышу. Вся эта структура очень зыбкая – если не считать мебели, дома, как такового, нет. Стены и двери условны или их нет вовсе. Перемещение действия из одного места в другое должно проходить плавно и без разрыва, персонажи, не участвующие в конкретной картине, зачастую видны в других частях сцены, поэтому переход от одной картины к другой обеспечивается лишь передвижением актера туда, где находятся другие актеры/актер, занятые в следующей картине. Лестницы обеспечивают вход и выход актеров к любому участку сцены, где происходит действие. Не должно быть пауз между картинами или затемнений, в которых актеры покидают сцену. Никаких перестановок мебели или изменений декораций.

Картины:

1. Кладбище
2. Крыльцо
3. Психушка
4. Столовая
5. Крыльцо
6. Крыша
7. Кабинет
8. Крыльцо
9. Кладбище
10. Крыльцо
11. Крыша

«Электра» – завершающая часть «Греческой трилогии», включающей в себя три полноразмерные пьесы:

- «Ифигения»
- «Клитемнестра»
- «Электра».

Пьесы могут ставиться независимо одна от другой или все вместе, как трилогия: в три последовательных вечера, или утром, днем и вечером одного дня.

Картина 1. Кладбище

(Карканье ворон в темноте. ЛЕКСИ и ТОМАС на могиле МАЙКЛА).

ЛЕКСИ. Вот она. Маленький холмик земли под дикой вишней. Надгробие до сих пор не поставили. Камнетес поймал жену в постели с продавцом Библий, и попытался вырезать неприличное слово у нее на спине. В начавшейся драке свеча опрокинулась, дом загорелся, и продавец Библий задохнулся в подполе, где прятался от разъяренного мужа. Так что теперь камнетес в тюрьме за непредумышленное убийство, а на могиле нашего отца всего лишь земляной холмик. Такое здесь случается постоянно. Темная бульварная комедия. Мама заказала мегалит размером со Стоунхедж, чтобы произвести впечатление на соседей, но сейчас с нами практически никто не разговаривает. Таращатся на улице, шепчутся, словно статисты в греческом хоре. Матери так нравилось заламывать руки и кричать снова и снова: «Мой сын мертв! Мой сын мертв!» Ей нравится слушать собственный голос, который заглушает любую попытку подумать, как ее, так и любого другого. Но ты здесь, а мертв папа. Я все еще не могу поверить, что ты здесь. Но для меня все сейчас словно во сне. После его смерти даже птицы стали странными. Не нравится мне, как они на меня смотрят. И что-то не так с воронами. Я просыпаюсь утром, и все словно сместилось. Я смотрю на деревья и думаю, – неужели кто-то их передвинул? Все здесь как в Зазеркалье. Даже интересно, где сейчас Лупи Рай. Знаешь, все очень плохо, если даже деревенский дурачок тебя сторонится. Снова будет дождь. Дождь теперь идет постоянно. Господи, как я ненавижу монологи. Пожалуйста, скажи что-нибудь, чтобы я смогла заткнуться. Томас? Ты в порядке?

ТОМАС. Не знаю. У меня что-то с головой. Или в голове.

ЛЕКСИ. Ты про войну? Папа тоже вернулся другим. Говорил, что война всех сводит с ума, даже тех, кто остается дома. Мы поем песни, и машем флагами, и что-то бормочем над гробами. А теперь сидим в пустых домах и пытаемся вспомнить, а ради чего все это было? Что может оправдать гроб, в который по частям сложили твоего ребенка?

ТОМАС. В голове у меня то шепчутся голоса, то жужжит громадный пчелиный рой.

ЛЕКСИ. Расскажи мне о войне.

ТОМАС. Не хочешь ты слушать о войне.

ЛЕКСИ. Хочу. Меня интересуют подробности. Как мне их не хватает. Потому что никто ими не делится. И пусть они ужасные, мне без разницы. Без них войну не понять. Расскажи мне, каково это – убивать? Ты словно становишься фермером, режущим свиней?

ТОМАС. Я сейчас дома. С войной покончено. Здесь совсем другое место.

ЛЕКСИ. Не настолько другое, как тебе хотелось бы думать.

ТОМАС. Как Дженна?

ЛЕКСИ. Я ездила в психушку повидаться с ней, но она не стала со мной говорить. Не думаю, что она сказала мне хотя бы три связных слова после того, что случилось. Не то, чтобы она и раньше говорила связно, но теперь все гораздо хуже. Мне ее недостает.

ТОМАС. Я этого не понимаю. Да, я знал, что у нее проблемы с психикой, но я просто не могу поверить, что она могла причинить вред нашему отцу.

ЛЕКСИ. Она и не причиняла.

ТОМАС. Мама сказала, что он принимал ванну, Дженна его стригла, а потом вдруг ударила в шею ножницами.

ЛЕКСИ. Наша мать – одержимая убийствами психопатка.

ТОМАС. Ты говоришь мне, что все произошло не так, как рассказывала мама?

ЛЕКСИ. Я говорю тебе, что мать убила его.

ТОМАС. Это бред.

ЛЕКСИ. Послушай меня, Томми. Я не шучу. Наша мать убила нашего отца.

ТОМАС. Ты это видела?

ЛЕКСИ. Нет, не видела, но знаю, что это сделала она.

ТОМАС. С чего нашей матери убивать нашего отца?

ЛЕКСИ. Она его ненавидела и хотела получить деньги по страховке, поэтому убила и обвинила Дженну, зная, что ее просто вновь отправят в психушку.

ТОМАС. Но Дженна не в своем уме. Она ударила Ника ножом в брачную ночь.

ЛЕКСИ. Я бы тоже ударила, если бы вышла за Ника. Дженна немного ку-ку, но она не убивала нашего отца. Это сделала мать.

ТОМАС. Мама этого бы не сделала.

ЛЕКСИ. Мама делает все, что угодно. Пока ты и папа воевали, она с Ником проделывали это по всему дому.

ТОМАС. Проделывали что?

ЛЕКСИ. То самое, глупый. Совокуплялись. Господи. Неужели мозгов у тебя совсем не осталось?

ТОМАС. Мама и Ник?

ЛЕКСИ. По всему дому. Где только ни наследили. Ни одна комната не осталась чистой. Мы этот дом никогда не отмоем. Его придется сжечь.

ТОМАС. Это отвратительно.

ЛЕКСИ. Еще бы. Поэтому я начала пить. Не могу изгнать из головы эту картинку.

ТОМАС. Но Ник – муж Дженны.

ЛЕКСИ. Она убила нашего отца, Томми. Ты думаешь, ее будет грызть совесть из-за того, что она спит со своим зятем? Она – зло. А когда я попыталась объяснить это шерифу, он погладил меня по голове и сказал, что у меня истерика. Я бы врезала ему между ног, будь у него яйца.

ТОМАС. Лекси, где ты такого набралась?

ЛЕКСИ. Газеты читаю. Весь город свихнулся. Этот чертов шериф. Тупой толстый продажный сукин сын. Клянусь, в следующий раз я проголосую за итальянца. Мама была такой спокойной. И Ник ничуть не лучше нее. Не сказал ни слова, когда Дженну увозили в психушку. Они – чудовища. Пара чудовищ из греческой мифологии, а теперь они заполучили все папины деньги.

ТОМАС. Я просто приехал домой. Сейчас я не хочу в это влезать.

ЛЕКСИ. Нашего отца убили, а ты не хочешь в это влезать? Томас, ты – моя последняя надежда. Ты – единственный, кто может мне помочь.

ТОМАС. Я никому не могу помочь. Я не хочу ни о чем думать.

ЛЕКСИ. Томми, послушай меня. Ты мне нужен. Я не смогу сделать это без тебя.

ТОМАС. Сделать что?

ЛЕКСИ. Мы должны их убить. Мы должны убить мать, и мы должны убить Ника. Мы должны убить их обоих.

ТОМАС. Это не смешно.

ЛЕКСИ. А я серьезно.

ТОМАС. Ты сошла с ума.

ЛЕКСИ. Хотелось бы, но – увы. Я бы сочла за счастье обезуметь, как Дженна, но я не чокнутая. Я думала и думала об этом, и теперь понимаю, что решение только одно. Мы должны их убить. Иначе они не понесут ответственность за совершенное ими убийство. Им достанется дом и деньги папы. Ты думаешь, Ник поделится с тобой? Он прокрался в нашу семью, чтобы заполучить все, и не собирается останавливаться. Папы нет, и мы – следующие.

ТОМАС. Мама никогда не причинит нам вред.

ЛЕКСИ. Мама слаба, глупа, жадна и наполовину выжила из ума, а моральные принципы у нее, как у гиены. Они убили папу и они убьют нас, так или иначе. Они почувствовали вкус крови, так что их не остановить. Я читала папины греческие пьесы и знаю, как это работает. Единственное, что нам остается – убить их первыми.

ТОМАС. Лекси, я не собираюсь никого убивать.

ЛЕКСИ. Да перестань, Томми. С чего такая неуверенность? Правительство потратило кучу денег, чтобы научить тебя убивать.

ТОМАС. Никто не учил меня убивать собственную мать.

ЛЕКСИ. В необходимом без грязи не обойтись. Рождение. Секс. Смерть. От этого не уйти. Если попытаешься – сам на смерть и навешься. Другого не дано.

ТОМАС. Лекси, я думаю, что у тебя нервный срыв. Может, тебе перестать читать эти пьесы и начать брать уроки фортепьяно? Нет, этого не нужно. Шума я не вынесу. Как насчет вышивания? Или найди хорошего мужчину и выйди за него.

ЛЕКСИ. Хорошего мужчину? Найти хорошего мужчину? Не нужен мне хороший мужчина. Да что я буду делать с хорошим мужчиной? И не найти сейчас хороших мужчин. Я бы сделала все сама, но боюсь, что смогу порешить только одного из них.

ТОМАС. Я не смогу такого сделать, да и ты тоже.

ЛЕКСИ. Не понимаю, почему? Папа мог. Он убивал людей на войне и убил старика и Нью-Йорке, помнишь? Оттуда и взялись все наши деньги. Он не присваивал деньги банка.

ТОМАС. Я не собираюсь никого убивать.

ЛЕКСИ. Если правительство посылает тебя убивать людей, которых ты даже не знаешь, и дает тебе за это медаль, почему ты не можешь помочь мне убить эту отвратительную парочку, которая убила нашего отца? Я когда-нибудь просила тебя что-то для меня сделать? Все эти годы я брала мать на себя, чтобы хоть как-то отгородить от нее вас с Дженной, а теперь я прошу тебя о таком пустяке...

ТОМАС. Убить свою мать – это не пустяк.

ЛЕКСИ. Если брать по большому счету – то пустяк. Где-то взрываются звезды. В сравнении с этим мы говорим о сущей ерунде. Он такого даже рябь по воде не пойдет.

ТОМАС. Я в этом не участвую. Я нездоров. В голове постоянно кто-то шепчется.

ЛЕКСИ. У меня тоже. И есть только один способ от этого избавиться. Папа знал. Он оставил нам инструкции в греческих пьесах, с которыми запирался в кабинете, чтобы отгородиться от матери. Это совершенно ясно. Мы должны их убить. В сюжете это есть. Мы должны следовать сюжету. Потому что, если не последуем сюжету, очутимся в хаосе импровизации, а это никому не нужно. Бессюжетная трагедия – обычная жизнь. Трагедия с сюжетом – произведение искусства. Во всяком случае, может им стать. Если мы хорошо отыграем свои роли. Я просто хочу, чтобы ты сыграл свою роль.

ТОМАС. Я – не персонаж какой-то глупой пьесы.

ЛЕКСИ. Но ты – персонаж. Мы все такие. Ты – Орест, а я – Электра. Шепот в твоей голове – голоса богов, и они говорят, что ты должен убить свою мать. Не сопротивляйся. Голоса скажут тебе, что надо делать. Доверься богам. Просто слушай.

(ТОМАС смотрит на нее. Каркают вороны, хлопают крылья, свет медленно гаснет).

Картина 2. Крыльцо

(КАРОЛИН сидит на диване-качелях. Вечер. ТОМАС стоит в тених у справа).

КАРОЛИН. Почему же не сказать, что все отлично, раз я прекрасно себя чувствую, во всяком случае, для женщины, чья безумная дочь убила ее мужа, воткнув ему в шею ножницы, когда он принимал ванну. Я сильная, энергичная, взявшая в руки собственную жизнь. И мне совершенно не стыдно так говорить... Да откуда берутся эти чертовы хлопанья крыльев? Кто здесь? Летучие мыши? Вы хлопаете крыльями? Или кто-то шепчется? Кто и о чем тут шепчется? Дети, успокойтесь и идите спать. Нет под кроватью никакого чертова крокодила. Мне нужно хоть немного отдохнуть. Лупи? Я знаю, что ты подслушиваешь. Чертов деревенский дурачок. И этот продажный сукин сын Гарри Макбет пытается выпихнуть Ника из банка. Никто с нами не разговаривает. Люди указывают на нас и шепчутся. Дом разваливается. Если я не возьму себя в руки, то окажусь на кладбище и буду бессвязно лепетать на пару с Лупи. Деревенский дурачок – не мой отец. Прошлой ночью мне приснилось, что я родила змею. Завернула в детское одеяло и кормила грудью. Так она высасывала с молоком кровь. Я выкормила монстров. Дженна была милой девочкой, но вечно балансировала на краю той или иной пропасти. Лекси отличала большая уверенность в себе, но она задавала чертовски много вопросов. Ум в детях – всегда знак беды во взрослой жизни. С Томасом постоянно что-то случалось. Какие его мучили кошмары! Гигантские насекомые пожирали его. Он тонул в чанах с кровью. Мне следовало задаться вопросом, кто эти странные существа, которые вышли из моего тела? И нет ли способа загнать их обратно и изменить в кого-то еще? Но нет, боюсь, пути назад нет. *(Замечает, что кто-то стоит в тених).* Кто здесь? Почему в тених всегда кто-то стоит? Нам нужно повесить фонарь. Лупи? Это ты? Майкл?

ТОМАС. Это я, мама. Папа умер.

КАРОЛИН. Я прекрасно знаю, что твой отец умер. Мне потребовались недели, чтобы оттереть кровь в зазорах между плитками пола. Твоя сестра всегда знала, как напакостить. Поднимись на крыльцо и посиди со мной. Давай. Я – твоя мать. Я тебя не укушу. Змеи и свиньи пожирают своих детенышей, но я, к счастью для тебя, уже поела. Я приготовила оладьи из овсянки. Они пахли, как сухая кожа, которую счищаешь с пяток. Но после смерти твоего отца обоняние у меня отшибло.

ТОМАС. С кем ты разговаривала?

КАРОЛИН. Не с кем я не разговаривала. Опять ты слышишь голоса. Раньше ты клялся, что слышишь, как ангелы разговаривают на французском всякий раз, когда мы спускали воду в туалете. У всех моих детей что-то не так с головой. Я каждый день благодарю Бога за то, что хоть я нормальная. Поднимись на крыльцо и сядь рядом со своей матерью. Давай. Отбрось застенчивость. Девушки застенчивых не любят. Они любят плохишей. Иди сюда. Я замерзла.

ТОМАС. Хорошо. *(Поднимается на крыльцо, садится рядом с ней).*

КАРОЛИН. В последнее время никак не могу согреться. Вот. Разве это не прекрасно? Мать и сын. Сидят на крыльце. Слушают сов. Что ты делал, стоя в темноте? Где ты был?

ТОМАС. На войне. Я был на войне.

КАРОЛИН. Я знаю, что ты был на войне. Я про этот вечер. Обжимался с кем-то из своих подружек?

ТОМАС. Нет у меня подружек.

КАРОЛИН. Не волнуйся. Деньги у нас есть. Мы купим нескольких.

ТОМАС. Я не хочу, чтобы ты покупала мне подружек.

КАРОЛИН. Так где ты был, Томас?

ТОМАС. Лекси отвела меня на кладбище.

КАРОЛИН. Да, в этом веселого мало. Я про поход на кладбище с твоей сестрой. Я не понимаю, почему она целыми днями болтается на кладбище. Может, разрывает могилы и крадет золотые зубы. Тебе лучше держаться от нее подальше. Девушка не в себе.

ТОМАС. Она одинока.

КАРОЛИН. Что ж, она проводит все время на кладбище. Какую она может найти там компанию?

ТОМАС. Я думаю, тебе нужно с ней поговорить.

КАРОЛИН. Она не хочет говорить со мной.

ТОМАС. Я думаю, хочет. Просто не знает, как это сделать. У нее множество безумных идей. Действительно безумных.

КАРОЛИН. Каких идей? Что она тебе наговорила?

ТОМАС. Мне смысла в них никакого. Но после возвращения домой так сложно на чем-либо сосредоточиться.

КАРОЛИН. Томас, я знаю, ты не любишь об этом говорить, но война уже больше двух лет, как закончилась. Где ты был все это время?

ТОМАС. Я мало что помню. Что-то взорвалось. Потом я заблудился. Ничего не слышал, ничего не понимал. Что-то случилось с головой. Там были две голландские девушки. И клубника. И комната, полная часов. Потом я увидел корову, или что-то похожее на корову, на краю поля, а когда пошел туда, перед глазами все расплывалось, как при дожде.

КАРОЛИН. Да, это многое проясняет. Мы думали, ты умер.

ТОМАС. Я умер. Потом очнулся и понял, что мне не хватает твоей готовки. Именно тогда стало ясно, что с головой у меня непорядок.

КАРОЛИН. Готовлю я нормально. Разве что надо класть больше соли. Или меньше соли. Вкуса я теперь не чувствую. Может, паук забрался мне в рот, когда я спала, и откусил язык. Ты ничего не ешь. Превратился в шагающий скелет. Мне надо спечь пирог. Пирог ты есть будешь. Сил у тебя прибавится. Все получится. А когда тебе станет лучше, Ник устроит тебя в банк.

ТОМАС. Я не хочу работать в банке. Я ненавижу банк.

КАРОЛИН. Нет у тебя ненависти к банку. С чего тебе ненавидеть банк?

ТОМАС. Войну устроили банки.

КАРОЛИН. Не глупи. Банки войну не устраивают. Банки наживаются на войне. Банк всего лишь дом с деньгами. Как церковь. Только святости побольше. Я замечаю, что моешься ты нечасто. Вкуса я совсем не чувствую, но нос запахи немного улавливает. Принимать ванну давно у же можно. Ее вычистили и продезинфицировали. И пол я отдраила в прямом смысле этого слова. На нем можно есть, такой он чистый. Разве что немного пахнет отбеливателем. Тебе обязательно надо помыться. Ты пахнешь, как барсучья нора. Твоя сестра тоже не заходит в ванную комнату. Споласкивается в кухонной раковине после того, как все ложатся спать. Не знаю, где она справляет нужду, что малую, что большую. Может, на кладбище, как бродячая кошка. Если ты хочешь получить работу в банке, от тебя должно хорошо пахнуть. Сам банк воняет жадностью, но тамошние работники должны пахнуть, как весенний луг.

ТОМАС. Не пойду я в банк. Лучше буду работать в поле.

КАРОЛИН. В поле? Что ты собираешься делать в поле? В каком поле?

ТОМАС. Я буду скирдовать сено.

КАРОЛИН. Ты не хочешь скирдовать сено. От сена ты будешь чесаться. Мы нанимаем бедняков, чтобы они делали это для нас. Фермеров и им подобных.

ТОМАС. Я должен делать что-то руками. Что угодно, кроме убийства. С убийствами я завязал. Больше никаких убийств.

КАРОЛИН. Хорошо. Расслабься. Может, тебе лучше отдыхать, пока ты окончательно не поправишься. Но что тебе надо прекратить, так это отираться на кладбище со своей сестрой. Я должна сказать тебе, Томас, пусть я и сожалею, что мне приходится такое говорить, но я

думаю, она сходит с ума, как и Дженна. Может, безумие – это наследственное. Со мной как раз все в порядке. Должно быть, им оно передалось от отца. Он же из греков. Вероятно, они все безумные. Не зря их цивилизация рухнула. Слава Богу, я – нормальная. Кто-то в семье должен быть голосом разума. (*Смотрит вверх*). Кто там? Опять летучие мыши? Прочь отсюда! Прочь! (*Успокаиваясь*). Извини. Досаждают меня летучие мыши. Или просто мыши. Пищат и пищат. Это так нервирует. Томас, ты любишь свою мать, так?

ТОМАС. Я не могу спать.

КАРОЛИН. Это понятно, но ты любишь свою мать?

ТОМАС. Я просто смотрю в потолок и стараюсь ни о чем не думать.

КАРОЛИН. Приятно осознавать, что мои дети на моей стороне. За исключением, разумеется, той, что убила твоего отца ножницами. Прижмись ко мне, почувствуй, что ты в моем гнездышке. Как яйца. Как кладка яиц. Я согрею тебя, как инкубатор.

ТОМАС. Все хорошее представляется мне нереальным. В отличие от ужасного, которое я пытаюсь вышвырнуть из головы и не могу. Такое ощущение, будто что-то выедает мою голову изнутри.

КАРОЛИН. Об этом не волнуйся, дорогой. Я ничему не позволю тебя съесть. Скорее, полакомлюсь тобой сама. Помнишь игру, в которую мы играли, когда ты был маленьким мальчиком? Я начинала с твоих ног, а потом поднималась все выше. Ты так смеялся, что начинал плакать, потом кашлять и задыхаться, мне приходилось переворачивать тебя головой вниз и трясти, а заканчивалось все тем, что ты дул в штаны. Ты это помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.